

Виктор Сергеевич, уж вы-то знаете, как рождаются драматурги.

- Честно говоря, не знаю. Меня на драматургию как-то вынесло само собой. Ничего я не изучал, задач никаких перед собой не ставил. Просто что-то подходило к мозгу, к душе, и я писал. И писал, можно сказать, в пространство. Прочел однажды роман Гончарова «Обыкновенная история» и ахнул - до чего он современен. А было это перед самой войной. Я тогда учился в театральной школе. По утрам репетировал, вечером был занят в массовке, а по ночам стал делать инсценировку этого романа. Причем исключительно для себя. После войны с этой пьесой я поступил в Литературный институт. Прошло еще лет, наверно, двадцать. Театр «Современник» попросил у меня какую-нибудь пьесу. Я вспомнил, что в архиве Литинститута лежит «Обыкновенная история». Подработал ее. И пьеса с успехом пошла в театре, получила Государственную премию.

- Все так просто?

- С моими пьесами вообще все складывалось как-то фатально. Свою пьесу «Вечно живые» я писал в конце войны, в темной, холодной, голодной Костроме. Я отлеживался там у отца после ранения, почти беспомощный, на костылях... Потом в Москве отнес пьесу в один маленький, считающийся фронтовым, театр. На следующий день милый старичок из рипертокама сказал мне: «Читал вашу пьесу. Плакал. Но запрещаем, запрещаем...» Мне это понравилось. Потому что он плакал... А еще потому, что мне заплатили за пьесу гонорар. А запрещали ее из-за того, что героя убивали. Этого делать было нельзя: шла война. Ни в какой местком, партком я жаловаться не побежал, что меня, дескать, запрещают. А лет через десять с лишним эту пьесу поставил «Современник». Потом режиссер Калатозов снял по ней фильм «Летят журавли», и эта картина облетела весь мир, вошла в десятку лучших фильмов столетия. Видите, как замечательно судьба тобой распоряжается, когда ты не трогаешь ее своими руками и все идет само собой.

- Вы верите в судьбу?

- Абсолютно. Кроме нее, ничего нет. Можно, конечно, пытаться как-то судьбу корректировать. Но она все равно вырвет на ту линию, которую тебе суждено пройти. Даже невзгоды, которые встречаются на пути, - это твоя судьба.

- Но бывает, невзгод слишком много. Что, и тогда делать ничего не надо?

- Да особенно ничего и не делай. Невзгоды, неприятности - это как короста, начнешь ковырять - и только хуже сделаешь. Терпи, смиришься, и само все пройдет. Но если чем и надо заниматься, так это делом. Без него человек, можно сказать, пустое место.

- А вот отечественная драматургия проповедовала иные принципы. Наши лучшие герои, начиная с Чацкого, действовали наперекор судьбе и обстоятельствам.

- Грибоедов, безусловно, сочинил гениальную пьесу. Но Чацкий все-таки фигура странная. Чего он целый вечер мечет бисер перед свиньями? «Не образумилось, виноват, и слушаю, не понимаю...» Чего не понимать-то? Если ты умный, сразу должен увидеть, что за ситуация. Образованный все-таки человек.

- Чему же тогда вы учили студентов Литературного института? Вы же много лет там преподавали.

- Я учил, что пьесу нельзя сочинить. Есть кукла. А есть живой ребенок. Куклу может делать почти каждый. А пьесу надо рожать. Она приходит тебе в голову помимо воли и сознания. Это совершенно поразительное состояние. Когда оно возникает, надо немедленно писать. Немедленно! У Гете в его кабинете в Веймаре стояли три стола и, кажется, три конторки. И Гете, этот олимпийский орел, кружил по кабинету, как вдруг что-то влетало в голову, и он скорее бросался на ближайшую конторку, чтобы успеть это записать. Флобер отмечал: «что-то» проносится перед глазами, и на это «что-то» надо жадно накинуться. Есть знаменитое стихотворение Алексея Константиновича Толстого - «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель. Вечно носились они над землей...» И дальше: «Нет, не Бетховен сочинил свой марш похоронный. Он же, глухой, для земли неземные подслушал рыдания». Это стихотворение абсолютно точно раскрывает процесс творчества. Я все это знаю! Я всегда писал, когда в голову «что-то» влетало, и я себе говорил: «Ай!» - и бежал к письменному столу, чтобы успеть это записать. Потому что если ты решишь сначала пойти погулять,

Виктор РОЗОВ:

Виктор Сергеевич РОЗОВ родился 21 августа 1913 года в городе Ярославле в семье счетовода. С 1934 года - актер Костромского театра юного зрителя. В 201941 году ушел добровольцем на фронт. Был тяжело ранен. После войны поступил в Литературный институт имени Горького. Его дипломная пьеса «Вечно живые» вошла в золотой фонд современной драматургии. А снятый по ней в 1957 году фильм «Вечно живые» был удостоен главного приза на Международном кинофестивале в Каннах. Автор широкоизвестных пьес - «В поисках радости», «Традиционный сбор», «Ситуация»... До сих остается одним из самых широко востребованных драматургов, чьи пьесы с успехом идут по всей стране. Профессор Литературного института имени Горького. Лауреат Государственной премии СССР. Награжден тремя ор-

ФОТО ЭДУАРДА ЛАЙВКА

Я ВСЕ-ТАКИ МУЖЧИНА, ТО ЕСТЬ УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

90 лет Виктору Розову. В это поверить не так уж сложно. Потому что уже долгие годы он один из тех немногих людей, которые воплощают в себе глубинное понимание жизни. Розов никогда не писал историко-философских пьес. Но образ Сократа ему наверняка бы удался. Потому что Сократ он сам.

потом пообедать, а уж потом записать - ничего обратно не вернется. Перо бывало и спотыкалось где-нибудь в середине пьесы, и я не знал, что писать дальше. Но потом как-то все решалось.

- Почему же нашим драматургам мало что хорошего в голову влетает?

- А родить можно только при определенных обстоятельствах. Человек должен быть с душой, исполненной полета. Надо сохранить свою самостоятельность, особость. Писатель должен быть в любое время свободным.

- И вы были свободным?

- Был. Ни пионерская, ни комсомольская, ни партийная и никакая другая рука меня не достала. Когда один очень хороший человек предложил мне вступить в партию, я ему ответил, что не могу в ней быть. Партия скажет, что надо делать так, а если я решу иначе, то по своему буду и делать. Поэтому я не хочу ставить в неловкое положение других и себя.

Вызывает меня как-то заместитель Фурцевой и предлагает возглавить журнал «Театр» - мы вам, дескать, и помощника дадим, а вы будете только подписывать журнал. Я ответил, что дело это

для меня совершенно не известное. Я могу попробовать, но только являясь главным редактором по сути. Но если пойму, что это не мое дело, сейчас же откажусь. Тогда он мне говорит: мы дадим знать в ЦК, что вы согласны. Через две недели он же мне сообщил, что, мол, извините, но вас ЦК не утвердил. Там сказали: Розов человек неуправляемый. И это так. Всю жизнь мною управляла только жена. Но это можно и нужно. Поэтому что иначе будут ссоры, стычки. Но я же все-таки мужчина, то есть умный человек. Зачем жить в семье все время на острие?

- А что вы думаете о современной драматургии?

- Я не могу сказать, что так уж пристально слежу за ней. Хотя видел несколько современных пьес. Не понравилось. Между прочим, смотреть то, что нравится, очень трудно, а когда спектакль кончается и ты встречаешься с режиссером или актером, совсем невозможно им сказать, что пьеса плохая и играете вы плохо. Я этого не говорю никогда. В таких случаях я говорю - мне показалось, что эта пьеса не моего плана.

- Может, сцене нужен современный Гамлет?

- На сцене могут существовать не только гамлеты, что советская драматургия и доказала. Не так давно, например, исполнилось 100 лет Погодину. Через час замалчивают. Юбилей нигде и ничем не отметили. Это глупо и недостойно. Ведь его пьесы держали репертуар того времени. Он был очень интересным, социальным драматургом. Первым ввел в пьесу обычного советского человека в лице Степашки или Машки-колхозницы, которую гениально играла Бабанова. Рядовые люди появлялись на сцене и раньше, но несколько в театрализованном виде. И вдруг однажды смотрю его пьесу о людях, которые строили дом, потом выхожу на улицу и вижу - действительно, этот дом строили его персонажи. Меня это совершенно поразило. Неудивительно, что его спектакли проходили при переполненных залах.

- Но сейчас на сцене тоже действуют герои нашего времени, все эти киллеры, олигархи, продажные политики, чиновники... А ничего путного не получается.

- Я совсем не уверен, что у публики такая уж большая потребность в назван-

ных вами персонажах. Сам я вообще-то всегда любил положительного героя. Отрицательные персонажи, к сожалению, мне плохо даются. «Гнездо глухаря» - там положительные мальчик и девочка. «С вечера по полудню» - мальчик в трудном положении, но, конечно, хороший. «В добрый час» - там вообще замечательные ребята. Пьеса этой уже больше 60 лет. Но сейчас она уже несколько лет идет во МХАТе имени Горького при полном зале. А ведь там гигантское здание. Каждый спектакль публика принимает как премьеру. Не скрою, мне это приятно. И в то же время удивительно, потому что пьеса-то плоховата. Но, видимо, настолько люди истосковались по человеческому...

Понимаете, беда не только искусства, а всей страны заключается в том, что нас без единого выстрела, голыми руками завоевала Америка. А мы по своей душе не американцы. Наше - это степь, леса, реки, горы, просторы... Душа... Понимаете? Если души нет, появляется лицемерие. А это всегда видно, и на сцене тоже.

- В советское время лицемерия тоже хватало.

- Я пережил Гражданскую, революцию, коллективизацию, Великую Отечественную войну, восстановление народного хозяйства... Но сейчас самое скверное время за всю мою долгую 90-летнюю жизнь. Поймите, я не то что ругаю современное время. Я страдаю от того, что в стране четыре миллиона беспризорных детей, более 60 процентов населения бедствует, не дотягивает до прожиточного уровня... Мы всегда жили с подтянутым ремешком. Но сейчас народ изменил веру, перекрестился. Был православный, а стал жулик. Раньше главными ориентирами были честность, порядочность, трудолюбие. А сейчас - как словчить, обмануть, обворовать... Это самое мерзкое, что произошло. Сейчас продают душу дьяволу за деньги.

- Ну, это уже просто метафизика как-то.

- Да, самая настоящая. Мы все пели хором или в одиночку - люди гибнут за металл, сатана там правит бал. Но так и не поняли, что это существует на метафизическом уровне. Нашей стране много испытаний было послано. Но зачем нам послано испытание золотым тельцом, я не знаю.

- Возможно, чтобы человек проявил себя как личность?

- Знаете, у меня дома на письменном столе стоит фотография Качалова с его дарственной надписью: «Розову. Привет от В. Качалова. 1934 год». Я тогда только приехал из Костромы в Москву учиться. Увидел Качалова в разных ролях и был настолько потрясен его метаморфозами, что написал ему письмо. Жить тогда мне было нелегко, я бродяжничал и обратный адрес поэтому указал - Главпочтамт, до востребования. Однажды туда на мое имя пришел конверт с незнакомым почерком. Открываю и нахожу вот эту фотографию. Как же я был счастлив... Но ведь Качалов по существу послал ее неизвестно кому и куда. Но он нашел время это сделать. Вот где видна личность.

- А если к тому же в стране и несвобода, личность проявляет себя еще лучше. Это уже наша национальная особенность.

- Как бы то ни было, но после революции как высypало: Маяковский, Есенин, Цветаева... Несть числа талантам! А после нынешней контрреволюции я все ждал: вот свободу дали, и все, кто стоял под гнетом того времени, себя проявят. Ни фиги! Одна только пискотня - все плохо, плохо... Так ты сделал хорошо. Не могут. Хотя страна все та же, люди вроде тоже... Но стоило измениться ориентиру ценности - и все пропало. И мы можем с вами сколько угодно рассуждать, почему так мало интересных авторов, где пьесы, но все сводится к одному - без идеалов ничего хорошего сделать невозможно. Идеалы - это духовность. Великие произведения культуры, пьесы появляются, когда происходит игра человеческого духа. А не когда играют только на деньги, как это делают сейчас во всех сферах нашей жизни.

- Но какое время мы все-таки переживаем! Оно перемалывает судьбы людей, независимо от того, на какой социальной ступеньке они находятся. Политические и финансовые схватки, скандалы... По накалу страстей - настоящее шекспировское время. Это тема для искусства, которая кричит: дайте автора!

- Кричать бесполезно. Такой человек должен родиться. Кто поймет суть происходящего, он тогда и сделает из этого не просто пьесу, а настоящую трагедию.

Беседу вела
Наталья КУЗИНА